

NON DIIS CURAE: РИТОРИКА И ПРАКТИКИ ЕСТЕСТВЕННОГО НАКАЗАНИЯ ЗА СВЯТОТАТСТВО

С.Т. Дроздов

Степан Тимофеевич Дроздов | <https://orcid.org/0000-0002-9505-9122> | sdrozdov@eu.spb.ru | аспирант факультета антропологии | Европейский университет в Санкт-Петербурге (ул. Гагаринская 6/1а, Санкт-Петербург, 191187, Россия)

Ключевые слова

антропология религии, агентность, святотатство, богохульство, кощунство, наказание

Аннотация

Статья посвящена анализу ситуаций, в которых наказание за святотатство осуществляется естественными акторами, не дожидаясь вмешательства сверхъестественных. К таким акторам относятся: государство в лице законодателей и правоприменителей; религиозные специалисты; религиозные активисты. Описываемые в статье конфигурации агентности трех выделенных акторов, обладающих собственной спецификой и инструментами осуществления естественного (в противовес сверхъестественному) возмездия за святотатство, создают предпосылки для насильственного или же ненасильственного разрешения конфликтов, в которых усматривают богохульство, кощунство и святотатство. В статье также анализируются границы агентности акторов, связанные, с одной стороны, с представлениями о праве на святыню и, соответственно, на гнев из-за ее осквернения, а с другой, – с наличием реальной возможности это наказание осуществить. В последнем случае обсуждается также представление “обвинителей” об условной агентности “обвиняемых”, а также рассматриваются способы и причины ее снижения.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 21-18-00508]

Собирая истории о наказании за богохульство, кощунство и святотатство в христианских культурах, этнограф может встретить большое количество вариаций сюжета о сверхъестественном вмешательстве “оскорбленного” святого или даже непосредственно религиозного объекта, насылающих ту или иную кару на оскорбившего их словом или делом человека. Механизм такого наказания и его симметричность преступлению весьма точно описаны Сергеем Штырковым (Штырков 2001), а примеры его воплощения не раз записывал и автор этой статьи в Новгородской и Псковской областях, где святотатцы, соглас-

Статья поступила 24.11.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 15.03.2023

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Дроздов С.Т. Non diis curae: риторика и практики естественного наказания за святотатство // Этнографическое обозрение. 2023. № 2. С. 134–152. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020070> EDN: RAPGDT

Drozдов, S.T. 2023. Non diis curae: ritorika i praktiki estestvennogo nakazaniia za sviatotatstvo [Non diis curae: The Rhetoric and Practices of Natural Punishment for Sacrilege]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 134–152. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020070> EDN: RAPGDT

но нарративам информантов, умирали “нехорошими” смертями, что являлось карой за активное претворение в жизнь антирелигиозной политики Хрущева. Тем не менее кажется небезынтересным рассмотреть и ситуации, когда на защиту поруганной чести святыни встают акторы естественные, не только чувствующие себя вправе, но и в какой-то степени обязанными наказать кощунников, не дожидаясь помощи свыше.

Схожие вопросы интересовали французского антрополога Жанну Фавре-Саада, отмечавшую, что сама риторика святотатства рождается из обвинения в богохульстве – т.е. религиозного суждения, высказанного естественным актором от имени актора сверхъестественного. В представлении Фавре-Саада такие обвинения начинают процесс, в ходе которого “пострадавшая” сторона использует инструменты и риторику “духовного” суда, тогда как обвиняемый пытается защититься, опираясь на судебный аппарат светского государства (Favret-Saada 2016: 31). В случае же кейсов, приводимых в данной статье, стоит заранее отметить, что, несмотря на их определенную схожесть с делами, описываемыми французской исследовательницей, зачастую та самая полемика, о которой она пишет, происходит в одной и той же легальной плоскости, а говорить о противостоянии двух “аппаратов” религиозного и светского суда не представляется возможным, так как первый часто пользуется инструментами второго, если вовсе им не заменяется. В этом случае религиозные специалисты, как и последователи связанных с ними религиозных течений, прибегают к помощи государства, а государство, отвечая на этот запрос, принимает соответствующие законы, механизмы действия, мотивы и практики применения которых уже описаны в литературе (см.: Cliteur, Herrenberg 2016; Oustinova-Stjepanovic 2020; Jones 1980). Тем не менее сама идея Фавре-Саада об антропологическом изучении “религиозной полемики” между “обвинителями” и “обвиняемыми” в святотатстве представляется перспективной; цель же данной статьи состоит в продолжении этих рассуждений и обогащении их размышлениями об особенностях деятельности “обвинителей” (естественных акторов наказания за святотатство), направленной на осуществление наказания за богохульство.

О религиозном насилии как реакции на святотатство и оправданности первого в глазах совершающих его акторов, а также о реакции социума на него размышляет и Талал Асад (Asad 2007: 20). Асад пишет, что в глазах секулярных западных обществ оправданным (*justified*) наказанием оказывается лишь то, которое осуществляется государством. Оспаривая основные выводы Асада, его рассуждения продолжает Джудит Батлер, призывающая нас анализировать случаи, связанные со святотатственными произведениями искусства, с позиции трех уровней насилия: изображенного в произведении, совершенного произведением и возникающего в ответ на произведение (Butler 2009: 126–127). Такой подход представляется вполне логичным при изучении религиозного насилия *per se*, однако в случае с наказанием за святотатство, о котором пойдет речь в этой статье, наиболее интересным кажется третий из перечисленных Батлер уровней.

Рассматривая случаи естественного наказания за святотатство, можно наблюдать весьма интересную конфигурацию границ агентности акторов, связанную, с одной стороны, с представлениями о праве на святыню и, соответственно, на гнев из-за ее осквернения, а с другой, – с наличием реальной возможности это наказание осуществить. В последнем случае интересным также кажется представление “обвинителей” об условной агентности “обвиняемых”. Именно это представление, а точнее – степень возможной сознательности/несознательности совершавшего святотатство, приводит “обвинителей” к активным

действиям по имплементации наказания или же, наоборот, – к его смягчению. В связи с вышесказанным данный текст будет разделен на два смысловых блока: в первом я предлагаю разобраться, в каких случаях естественные акторы наказания за святотатство призывают к возмездию и активно его осуществляют, а во втором – понять, что может смягчить их гнев. Таким образом, первая часть призвана ответить на вопрос, когда естественные акторы действуют, а вторая – когда они готовы бездействовать, а точнее, готовы в той или иной степени “оправдать” святотатцев.

Анализ материалов СМИ и правоприменительной практики будет проиллюстрирован примерами, относящимися к западной культуре Нового времени, так как именно такое (вынужденное и сознательное) временное ограничение и сужение фокуса позволяет избежать чрезмерного распыления и размытия оптики, необходимой для анализа современного материала, оставляя при этом возможность выявления определенных параллелей и механизмов естественного наказания за святотатство в диахронной перспективе.

Что касается самой идеи о возможности выделения определенных условий или же сценариев, которые провоцируют верующих на активные действия в случае совершения святотатства, то она в определенном смысле похожа на представления Марка Юргенсмейера о факторах, приводящих к религиозному насилию. Сформированный им список причин включает ситуации, когда «все-ленское противостояние воспринимается как происходящее “в мире сем”, а не в мифическое “время оно”»; верующие отождествляются с этим противостоянием на личном уровне; конфликт находится в решающей фазе» (Юргенсмейер 2022: 315). В случае, когда в процессе наказания за святотатство задействованы естественные акторы, для которых насилие может стать ответом на оскорбление их сакральных объектов, приведенные примеры далеко не всегда подпадают под описанную Юргенсмейером схему вселенской борьбы (*cosmic war*) и ее земного воплощения. Благодаря этому мы можем порассуждать об условиях, побуждающих тех или иных акторов к активной деятельности вне контекста дуалистического противостояния добра со злом, представление о котором далеко не всегда движет “исполнителями” наказания.

Агентность в данной статье понимается как способность актора к действию, а также возможность выступать в качестве самостоятельного агента и делать осознанный выбор (Emirbayer 1998: 962–1023). Мартин Хьюсон достаточно точно описывает три типа агентности: индивидуальную, делегированную и коллективную. Хьюсон выделяет три свойства, которые характеризуют полноту агентности актора: власть, намеренность и рациональность (Hewson 2010: 13–17). В контексте данной статьи описанные исследователем свойства воплощаются следующим образом: в случае власти – в доступности для разных типов акторов инструментов активного посюстороннего наказания за святотатство, в случае же намеренности и рациональности – в том, насколько акторы “обвинения” и “обвиняемые” в святотатстве способны оценивать собственные действия и их последствия. Таким образом, в рамках интересующих меня вопросов представляется возможным говорить о двух агентностях: агентности естественных акторов наказания за святотатство, выраженной в интенции и ее реализации или же отказе от оных в отношении тех, кого такие акторы считают святотатцами, богохульниками или кощунниками, и об агентности самих святотатцев, представление о полноте которой влияет на выдвигаемые им обвинения.

В данной статье я выделил типы акторов, которые вовлечены в процесс наказания за святотатство; они оказались в определенном смысле сродни группам, сформированным Эрихом Гудом и Нахманом Бен-Ягуда при конструиро-

вании модели объяснения источников моральных паник. Авторы предлагают три возможные модели: *grassroots* (“низовую”), когда беспокойство по поводу реальных или воображаемых угроз распространяется “снизу”, элитистскую, при которой привилегированная группа или государственный институт провоцирует панику, и, наконец, модель “групп интересов”, где сообщества, обладающие средним уровнем статуса и влияния, преследуют собственные цели, а совокупность их действий порождает моральную панику (Goode, Ben-Yehuda 2009: 51–72). Теория моральных паник может быть применена и при рассмотрении реакции общества на действие, которое та или иная его часть считает осквернением сакрального (т.е. религиозных объектов и догматов). Таким образом, использование данной теории способствует дальнейшим рассуждениям авторов о деятельности разных акторов, участвующих в процессе наказания за богохульные действия.

Типы акторов и их возможности

Всех естественных акторов, осуществляющих наказание за святотатство, можно разделить на три типа, различающиеся ролью в конфликтах, связанных с осквернением, а также, что важнее, методами осуществления возмездия и доступными для этого ресурсами. Этими тремя типами являются: государство в лице законодателей и правоприменителей, обладающее легальным инструментарием посюстороннего разрешения подобных конфликтов; религиозные специалисты, наделенные экспертностью в вопросах духовности; и религиозные активисты, лишённые первого и второго, однако многочисленные и более внимательные к отдельным случаям святотатства “на местах”, которые с большей долей вероятности не оказались бы в поле зрения акторов двух других типов.

Представители каждого из описанных типов многочисленны, а состав их разнороден, что, разумеется, делает такую схематизацию весьма условной и требует ряда дополнительных уточнений. Когда мы будем говорить о государстве, речь в большинстве случаев пойдет о правоприменителях и законодателях западных секулярных режимов, что исключает из анализа теократические системы. Кроме того, стоит упомянуть и о разных вариантах отношений государства и религиозных организаций внутри секулярных систем, так как, даже учитывая тот факт, что религиозные институты отделены от государства и равны перед законом, такое равноправие зачастую только декларируется, а на практике ситуация складывается иначе. Рассматривая второй тип акторов, нужно отметить, что здесь в промежуточном положении оказываются аффилированные с той или иной церковью структуры, представители которых напрямую не входят в число духовенства, но при этом данные структуры обладают значительным влиянием и достаточной степенью организации, что роднит их с религиозными институтами. Когда речь идет об уровне условных “рядовых” верующих, приходится чаще говорить о религиозных активистах как наиболее деятельной части этой группы, чья роль в конфликтах, связанных со святотатством, оказывается более заметной, а реакция – более показательной. Кроме того, самой большой сложностью при выделении таких типов оказывается условность границ между ними: в некоторых случаях, описанных ниже, религиозные институты тесно переплетаются с государственными (такая ситуация сложилась, например, в Церкви Англии), в других – оказываются неотделимы от достаточно институционализированных организаций религиозных активистов, в реальной аффилированности которых (при отсутствии указаний на это) с религиозными

институтами разобраться бывает непросто. Таким образом, это разделение выступает вполне условным и зачастую кажется непростительно схематичным для антрополога, однако оказывается удобным и инструментальным при разговоре о конфигурации агентности акторов в широкой сравнительной перспективе, так как именно взаимоотношения между высказываниями и действиями представителей этих групп в большинстве случаев составляют основу того самого естественного (в противовес сверхъестественному) и деятельного возмездия за богохульство, кошуństwo и святотатство.

Государства Нового и Новейшего времени, обладавшие наибольшими легальными возможностями для осуществления наказания за святотатство, тем не менее зачастую не могли его применить без санкции, пускай иногда и формальной, от религиозных специалистов или – реже – обеспокоенных воцерковленных жителей. Даже в тех случаях, когда речь шла о законодательстве, использованные в документах формулировки, а также его (законодательства) имплементации несли на себе отпечаток сотрудничества с религиозными специалистами. Примером ситуации, в которой государство оказывалось регулятором вопросов, связанных с богохульством, можно считать британские законы о святотатстве. Несколькими яркими делами, имеющими отношение к этим законам и их обсуждению в обществе, можно проиллюстрировать весь спектр возможностей, которые были доступны правоприменителям и двум другим типам акторов в легальном поле.

Стоит сразу оговориться, что, согласно законам Великобритании, имевшим силу с XVI до XXI в., богохульство считалось преступлением, только когда оно было направлено против догматов Церкви Англии; таким образом, закон не защищал другие деноминации. Святотатство, включающее отрицание бытия Бога, клеветнические поношения Иисуса Христа, глумление над Священным Писанием и выставление любой его части на презрение или осмеяние, каралось смертью, тюремным заключением, телесными наказаниями и штрафами (*Temperman, Koltay* 2017: 121).

В отчете о деле 1676 г., где человек обвинялся по указанным законам, мы находим интересную формулировку, согласно которой богохульство является преступлением не только против Церкви, но и против государства, так как христианство скрепляет гражданское общество и является частью законов Англии, а поносить христианство – значит подрывать закон как таковой (*Walter* 1990: 52). В случае Британии ярко проявляется взаимодействие правоприменителей и религиозных специалистов в осуществлении посюстороннего наказания за святотатство. На законодательном уровне в Новое время происходит закрепление экспертности Церкви Англии в вопросах выдвижения обвинений в святотатстве, а правоприменители берут на себя функции по исполнению наказания, отсутствующие у англиканских священников. Таким образом, до отмены законов о святотатстве в 2008 г. для осуществления посюстороннего наказания за святотатство оказывались нужны два из трех выделенных ранее типов естественных акторов.

Кроме того, в британской судебной практике, связанной с законами о богохульстве, можно найти примеры других конфигураций акторов наказания. Когда BBC решила транслировать шоу “Джерри Спрингер: опера” в январе 2005 г., они получили более 63 000 жалоб от оскорбленных христианских зрителей, которые возражали против изображения религиозных образов в шоу. Фундаменталистская христианская правозащитная группа “Христианский голос” обратилась в суд с требованием возбудить дело о богохульстве против BBC, но обвинения были отклонены мировым судом Вестминстера. Организация подала ходатай-

ство об отмене этого решения в Высокий суд, но ходатайство было также отклонено, так как не поступило санкции Англиканской церкви (Springer Opera 2007).

Этот кейс прекрасно показывает, что наказание может быть не применено без санкции признанного государством религиозного авторитета, что указывает на ограниченность участия религиозных активистов в принятии правовых решений в вопросах святотатства. Схожую ситуацию можно увидеть и в случае с опубликованным в 1988 г. романом британского писателя Салмана Рушди “Сатанинские стихи”. Многие мусульмане сочли тогда книгу кощунственной, в связи с чем в правительство Великобритании было подано прошение о привлечении Рушди к ответственности за богохульство (Levy 1995: 695). Обвинения не были предъявлены, поскольку, как заявил специальный комитет Палаты лордов, закон защищает только христианские догматы, которых придерживается Англиканская церковь (Select Committee 2003). Таким образом, снова можно увидеть, что основополагающим фактором для применения наказания государством выступает мнение религиозных специалистов, в данном случае – священников Церкви Англии, которую британское правительство признает экспертом в этой области.

Лишь в январе 2008 г. представитель премьер-министра Гордона Брауна заявил, что правительство рассмотрит возможность поддержки отмены законов о богохульстве во время принятия законопроекта об уголовном правосудии и иммиграции. Прежде чем принять решение, правительство проконсультировалось с Англиканской церковью и другими религиозными институтами. Этот шаг последовал за письмом, написанным в газету *The Daily Telegraph* по инициативе члена парламента Эвана Харриса и Национального светского общества и подписанным общественными деятелями, включая лорда Кэри, бывшего архиепископа Кентерберийского, который призывал отказаться от законов о святотатстве. 5 марта 2008 г. была принята поправка к Закону об уголовном правосудии и иммиграции, которая декриминализовала богохульство в Англии и Уэльсе (Geller 2008).

Таким образом, мы видим, что даже в вопросе отмены законов о святотатстве в Британии (в Шотландии закон был отменен в 2020 г., в Северной Ирландии он существует по сей день) законодатели и правоприменители действуют лишь в связке с религиозными специалистами, к которым обращается за консультацией, тем самым признавая экспертность оных. Легитимность и авторитет государства в осуществлении посюстороннего наказания за святотатство признается двумя другими типами акторов, участвующих в конфликтах. Тем не менее само государство признает лишь экспертность религиозных специалистов, к которым обращается за консультацией, и тем самым легитимизирует свое решение. В целом в случае легального возмездия за святотатство конфигурация агентов состоит из законодателей и правоприменителей как основной силы и религиозных специалистов как консультантов.

Вторым из выделенных выше типов естественных акторов, вовлеченных в процесс наказания за святотатство, являются религиозные специалисты. При этом стоит отметить, что с начала XIX в., ознаменовавшегося постепенным упразднением инквизиции, реальных инструментов возмездия за богохульство у религиозных организаций на западе, по крайней мере у католической церкви, стало значительно меньше. Из-за этого религиозные деятели и организации, не обладающие средствами и в силу отделения от государства – легальной властью наказывать святотатцев, принимают на себя скорее консультативные или же медиационные функции в конфликтах, связанных с богохульством, кощунством и святотатством.

Примером исходящего от клириков призыва к наказанию за богохульство в России можно считать недавние обвинения Филиппа Киркорова в святотатстве, который в одном из своих выступлений, запечатленных на видео, в качестве реквизита использует крест. Краснодарский священник в связи с этим призвал своих прихожан писать заявления в Следственный комитет и прокуратуру, чтобы те наказали артиста, названного им “самовлюбленным святотатцем” за его действия (Краснодарский священнослужитель 2022). С заявлением по означенному поводу выступили и представители пресс-службы Пятигорской епархии: “Мы не можем ничего запрещать, но официально заявляем, что не рады предстоящему шоу и призываем верующих людей и тех, кто с уважением относится к своей религиозной традиции, проигнорировать представление, на котором может повториться кощунство” (Киркову аукается 2022).

Часть критики, поступившей от указанных лиц, была вызвана бездействием государства, которое, по их мнению, не только не запрещает концерты певца, но и приглашает его на официальные мероприятия. В некоторых версиях истории о попирании креста, распространяемых православными сайтами, это утверждение дополнилось указанием на то, что видео, которое оскорбило верующих, было записано на концерте в Кремлевском дворце (Сплясал на кресте 2022). Таким образом, в случае, когда основным актором обвинения являются институциональные религиозные специалисты, главным методом их участия в наказании выступают попытки воздействия на других акторов, которым и предлагается осуществить возмездие. Тем не менее, за исключением редких случаев отмены концертов, заметной реакции государства и религиозных активистов на действия певца не последовало. В случае, когда другие группы не включаются в процесс воздаяния за святотатство, не происходит и посюстороннего наказания, что породило в православной среде нарративы о наказании сверхъестественном: “У него вылезли глаза, после чего ему посоветовали проверить здоровье, ведь у него может быть смертельная Базедова болезнь” (Ерохина 2022).

Другим примером активных действий представителя религиозного института можно считать заявление новосибирского священника, направленное в СК, ФСБ, прокуратуру и МВД на Сергея Шойгу за фрески в Главном храме Вооруженных Сил Российской Федерации (Новосибирский священник 2021). В данном случае мы снова видим попытку осуществить возмездие путем привлечения других акторов, предпринятую религиозными специалистами, что тем не менее не приводит к желаемому результату – священнику пришел ответ о том, что росписи храма были согласованы с высшим руководством РПЦ. Таким образом, даже в случае, когда обвинение исходит от религиозного специалиста, государство принимает решение о действиях/бездействии, опираясь на мнение религиозного института, тем самым признавая его экспертность в вопросах святотатства.

В целом можно увидеть, что, как и отмечалось выше, религиозные специалисты не обладают “реальными” возможностями осуществления посюстороннего возмездия за святотатство. Основным инструментом их участия в совершении возмездия оказываются попытки влияния на акторов других типов: на правоприменителей они пытаются воздействовать с помощью заявлений в органы, на религиозных активистов – призывами наказать святотатцев и обратить внимание государства на конкретный богохульный акт. При этом в случае, когда ни первое, ни второе не удастся, актерам данного типа остается уповать на сверхъестественные сущности. Другие же два типа акторов обращаются к религиозным специалистам для поддержки своих обвинений, тем самым признавая их экспертность в этом вопросе, через которую они и обосновывают “право-

мочность” возмездия. Через обращение к экспертам обосновывается иногда и бездействие этих акторов, в особенности – правоприменителей.

Третий тип акторов, самый многочисленный и негомогенный, – это религиозные активисты. Они, с одной стороны, не обладают легальной властью и признанной экспертностью для претворения обвинений в жизнь, с другой же, – представляют собой силу, способную вершить возмездие на локальном уровне. Однако что именно приводит их к активным действиям и заставляет брать закон (пускай и божественный) в свои руки?

Примечательными в этом контексте являются два схожих кейса, один из которых – с книгой Салмана Рушди – уже был кратко описан выше. Для дополнения картины стоит упомянуть, что в августе 2022 г. на писателя было совершено очередное покушение, связанное, по неподтвержденным данным, с публикацией того самого романа, сделавшего его мишенью для многолетней ненависти. Британское правительство, отказавшее тогда в возбуждении дела, таким образом лишило оскорбленных мусульман возможности осуществить легальное наказание за святотатство, а иранское правительство, ранее активно поддерживавшее обвинения против писателя, в 1998 г. официально заверило, что не будет ничего предпринимать, а дело Рушди “должно считаться закрытым” (Rushdie Fatwa 1990). В сложившейся ситуации бездействия акторов первого типа инструментом возмездия за святотатство предстояло стать двум другим: религиозные деятели, как и было описано выше, призывали верующих наказывать писателя – аятолла Хомейни публично проклял Рушди в своей фетве и приговорил его к смертной казни, призвав мусульман всего мира исполнить приговор, а его преемник объявил убийство писателя богоугодным делом (Ayatollah 1989). Религиозные активисты же, пускай и через тридцать лет безуспешных попыток, недавно все же покалечили писателя.

Схожим образом развивались и известные события, связанные с карикатурами в журнале *Charlie Hebdo*, а точнее – с реакцией на них, приведшей к нападению вооруженных людей на редакцию в 2015 г. (As it Happened 2015). Во Франции закон о богохульстве был отменен раньше, чем в Британии, – принцип светскости был закреплен в законе 1905 г. “О разделении церквей и государства”, а в 1945 г. был отражен в конституции. Карикатуры *Charlie Hebdo* не противоречили французским законам, и этот факт отмечал, как и в случае с книгой Салмана Рушди, возможность государственного вмешательства, что некоторые сочли святотатством. И, как и в случае с британским писателем, это привело к активному возмездию за кощунство, которое осуществили акторы третьего типа – религиозные активисты.

В случае с декапитацией Самюэля Пати, который стал продолжением кейса с карикатурами, события развивались по той же схеме. Пати – французский учитель, показавший на своем уроке некоторые карикатуры из вышеупомянутого журнала. Когда протесты родителей и сочувствующих им мусульман у здания школы, а также заявление в полицию не принесли результатов, один из оскорбленных выследил и обезглавил Пати, тем самым самостоятельно осуществив возмездие за святотатство (Willsher 2021).

Возмездию со стороны религиозных активистов подвергся также российский автоблогер, который в своем видео в поисках отвертки попутно выбрасывал из машины различные предметы, в том числе распятие. Православные молодые люди пришли в автомастерскую к блогеру и, избив его, заставили извиняться. Примечательно, что исполнители в качестве обоснования своего поступка указывают на то, что они берут на себя функции не естественного, а сверхъестественного актора, который из милосердия не наказал богохульника: “

Наш Бог милостив, и поэтому ты сейчас стоишь и улыбаешься, – говорит за кадром мужчина” (*Бородина* 2021). Схожим образом действует и околоправославное движение “Сорок сороков”, чьи акции, иногда насильственные, выступают тем самым “низовым” естественным наказанием за святотатство в тех случаях, когда государство и Церковь, по их мнению, недостаточно деятельно реагируют на богохульство или же не реагируют вовсе.

Таким образом, в случае с третьим типом посюсторонних акторов, совершающих наказание за богохульство, кощунство и святотатство, стимулом к немедленному возмездию может послужить бездействие или же недостаточная, по мнению религиозных активистов, реакция акторов других типов на внешний вызов. В этом смысле их мотивацию можно описать перефразированным высказыванием Ленина о ситуации, когда “верхи не хотят”. Кроме того, их деятельность может быть поддержана или вдохновлена акторами второго типа, т.е. религиозными специалистами, для которых религиозные активисты наряду с государством становятся потенциальным или желательным инструментом наказания за святотатство.

Ситуацию синергии всех трех типов акторов можно найти в России. Акции так наз. антикультистского движения часто обосновываются защитой закона, а также – секулярных ценностей свободы воли, неприкосновенности частной собственности и т.д. Последователи Православной Церкви Божией Матери Державная – нового религиозного движения, зародившегося на территории позднесоветской/постсоветской России и относящего себя к “православию богородичной ветви” (см.: *Лещинский* 2005, *Clay* 2013, *Лункин* 2015), в общине которой я провожу полевую работу, часто вспоминают о событиях, которые предшествовали отъезду главы Церкви – Иоанна Береславского – в Испанию. Речь идет о том, что накануне очередного собора в октябре 1999 г. неизвестные заварили дверь в московский офис организации, где на стенах появились оскорбительные надписи, после чего на членов общин стали совершаться нападения. В 2005 г. в том же помещении в Москве был устроен погром, в ходе которого был избит присутствовавший там религиовед Игорь Кантеров¹. Тогда в заметке газеты “Вечерняя Москва” со ссылкой на неких сотрудников Центра реабилитации жертв нетрадиционных религий говорилось, что Церковь Божией Матери Державная не имеет никакого отношения к православию и является деструктивной, а погром учинили родственники последователей. Также уже в 2006 г. произошел обстрел Богородичной обители, расположенной в Московской области, в результате чего церкви был нанесен серьезный материальный ущерб. Всем описанным событиям предшествовала широкая кампания в СМИ, а также публикации близкого к РПЦ Александра Дворкина, направленные на дискредитацию движения, и несколько судебных разбирательств в отношении последователей Церкви по сфабрикованным обвинениям. Схожие проблемы сейчас наблюдаются у последователей Церкви Последнего Завета – виссарионовцев (*Воронов* 2022).

В целом конфигурация агентности при осуществлении посюстороннего наказания за святотатство естественными акторами выглядит таким образом: государству, обладающему легальной властью вершить возмездие, необходима санкция религиозных институтов с признанной экспертностью и опционально – поддержка религиозных активистов; религиозным специалистам нужны государство и активисты как инструменты приведения посюстороннего наказания в исполнение; а религиозные активисты начинают действовать, когда два других типа акторов в их представлении делают недостаточно или же не делают ничего. В случае же, если ни одна из описанных выше конфигураций не склады-

вается, актерам обвинения остается уповать на сверхъестественных акторов в вопросах возмездия за богохульство, кощунство и святотатство. Противоположностью этому выступают ситуации, когда акторы всех трех типов действуют вместе и в этой своеобразной симфонии обрушивают свой коллективный гнев на “обвиняемых”, устраивая им на земле “предпоказ” того, что ждет их на том свете за их деяния.

“Смягчающие обстоятельства” для святотатцев

Противоположностью описанных ситуаций, когда к осуществлению наказания за святотатство призывают естественные акторы, оказываются случаи, когда риторика “обвинителей” в той или иной мере смягчается, а действия святотатцев оправдываются. Примеры, которые будут приведены ниже, позволяют нам задуматься о границах приписываемой святотатцам агентности, заключающейся, в риторике представителей трех описанных ранее типов акторов, в степени осознанности совершаемого святотатцем деяния. Таким образом, представляется возможным выделить обстоятельства, которые оказываются для “обвинителей” маркерами снижения осознанности и, соответственно, степени агентности “обвиняемых”. Эти обстоятельства предположительно должны приводить к смягчению обвинительной риторики.

Первым из таких обстоятельств оказывается пребывание святотатца в состоянии алкогольного опьянения. Как отмечает Дэвид Нэш в своей книге об истории святотатства в христианском мире, “многие богохульники в период до восемнадцатого века оказывались на скамье подсудимых в результате пьянства и его последствий. Очевидно, это свидетельствовало о том, что зачастую алкоголь и сопутствующая ему общительность давали возможность выплеснуть эмоции, праздные мысли и чрезмерный скептицизм” (Nash 2007: 109). При этом святотатцы, чье опьянение было подтверждено судом, иногда в связи с этим получали более мягкие приговоры. Именно это произошло в Лейдене в 1513 г. по итогам суда над Герийтом Якопшом, чьи богохульные высказывания были признаны произнесенными под воздействием алкоголя (Ibid.: 110). В 1654 г. в Америке Бенджамин Соукер избежал смертной казни за отрицание бытия Бога и проявление неуважения, так как присяжные смягчили приговор в связи с состоянием опьянения, в котором находился подсудимый в момент совершения преступления (Levy 1995: 253).

Схожие примеры можно найти и в православной практике. Так вандала, сломавшего крест, установленный на месте бывшего храма апостола Матфея в Санкт-Петербурге (В Матвеевском саду 2021), оправдали после его пояснения, что “в ночь преступления он пришел к кресту пьяный – хотел зажечь лампадку, которая стояла подле” (Курдюкова 2021), потерял равновесие и упал на крест. Примечательно при этом, что риторика осквернения сакрального объекта после обнародования результатов проверки сменилась интересом к другому судебному разбирательству, которое предстояло герою из-за взятки. Отделался домашним арестом и возмещением ущерба и мужчина, пьяным пробравшийся в крымскую церковь и углем от кадила расписавший стены храма нецензурной лексикой (В Крыму 2021).

Таким образом, в христианских культурах алкоголь в некоторых случаях может выступать “смягчающим обстоятельством” при наказании за совершение святотатства. Можно привести противоположный пример из Индонезии, где широкий резонанс вызвал кейс, связанный с баром, в котором предлагали бесплатную бутылку джина людям с именами Мухаммед и Мария (Indonesia

Bar 2022). Таким образом, употребление алкоголя не только не смягчает акт богохульства, но сама его “привязка” к сакральным для мусульман именам оказывается поводом для обвинения в святотатстве.

Примечательным примером столкновения христианского и нехристианского отношения к этому вопросу можно считать историю, произошедшую в Таиланде в 2013 г., когда турист из России повредил ломом статую буддийского монаха, что вызвало широкий общественный резонанс и акции протеста у местного отдела полиции. Сам обвиняемый при этом отметил, что совершенное им деяние не является сознательным святотатством, так как он был пьян; его заявление поддерживали официальные представители посольства (Tuarob 2013). Такое объяснение не удовлетворило местных верующих, на что указывают требования о необходимости обеспечения специальных мер для защиты туриста, за чью безопасность во время публичного извинения опасались дипломаты.

Таким образом, можно видеть, что состояние опьянения может являться возможным маркером снижения агентности святотатца в случае совершения оного христианином в отношении христианских святынь и догматов. Причинами такой терпимости к алкоголю с осторожностью можно назвать отсутствие осуждения его умеренного употребления в христианстве и использование вина во время евхаристии. С этим выводом точно не согласились бы христиане-трезвенники из общин последователей Братца Иоанна Чурикова, называющие употребление спиртного основной формой греха и, соответственно, склонные считать опьянение отягощающим обстоятельством и основной причиной подобных действий (Масагутова 2021: 140). Схожую ситуацию с алкоголем в качестве отягощающего обстоятельства или же прямой причины совершения богохульного акта можно встретить и в связи с запретом его употребления в исламе. Как и в следующей группе примеров, состояние опьянения “обвиняемого” выступает в глазах “обвинителей” (по крайней мере, если они христиане) способом указания на ограниченную агентность совершающего святотатство, которое, таким образом, оказывается менее сознательным и, соответственно, заслуживающим более мягкого наказания. Случай же с русским туристом достаточно ярко иллюстрирует готовность религиозных активистов к возмездию в ситуациях, когда они считают меру наказания, установленную властями, слишком мягкой.

В целом на написание данной статьи меня натолкнуло видео патриотично настроенного провинциального священника, в котором он осудил Юрия Шевчука в связи с его недавним высказыванием. Служитель церкви посчитал, что музыкант оскорбил сакральный для него образ лидера нации; с одной стороны, он оценил его действия резко негативно, с другой, – указал на то, что Шевчук “сглумил”, и призвал его серьезно задуматься над своими поступками или же не “лезть” в дела, в которых он ничего не понимает. Этот случай показался мне схожим с двумя другими, также связанными с музыкой и религией примерами, раскрывающими как конфигурации агентности “обвинителей”, которым посвящена первая часть данного текста, так и отражающими ситуации возможного снижения агентности “обвиняемых”, которому посвящена вторая.

В качестве первого кейса, схожего по некоторым признакам с вышеописанным, можно назвать активные протесты христиан американского “Библейского пояса” против выступления группы *The Beatles* после неосторожного заявления Джона Леннона о том, что музыканты стали “популярнее Иисуса”. Некоторые американские радиостанции тогда прекратили пускать песни ливерпульской четверки в эфир, их пластинки публично сжигались, пресс-конференции отменялись, а члены Ку-клукс-клана пикетировали концерты (Turner 2016: 266).

Тогда же более тридцати радиостанций объявили бойкот *The Beatles* и даже организовывали специальные публичные акции, на которых любой желающий мог сжечь пластинки группы, а также чучела музыкантов и любую атрибутику с их изображением (Philo 2017: 107–108). Само американское турне *The Beatles*, помимо описанных акций с кострами, было омрачено телефонными угрозами и пикетами членов Ку-клукс-клана в Вашингтоне и Мемфисе. Примечательно при этом, что в Мемфисе, находящимся глубоко на юге США, городской совет даже проголосовал за их отмену, но несмотря на это концерты состоялись (Wiener 1991: 12).

Отсутствие возмездия за то, что рядовые верующие и религиозные активисты юга Америки сочили святотатством, как со стороны государства, которое, за исключением безуспешной попытки городского совета Мемфиса, никак не отреагировало на высказывания Леннона, так и религиозных институтов, осудивших музыканта, но также не осуществивших никаких реальных действий для его наказания, вызывает у акторов третьего из выделенных в начале статьи типов желание восстановить справедливость. Примечательными в данном случае выступают также и последствия описанных событий: в качестве одной из причин, побудивших Марка Чепмена убить Джона Леннона, первый указал высказывания музыканта о Боге и христианской вере, в том числе и описанное выше (Jones 1992: 178–179). Таким образом, убийца, посчитавший, что Леннон избежал возмездия за святотатство, решил наказать его сам.

Почему же в случае с провинциальным священником и Шевчуком мы не наблюдаем деятельной реакции религиозных активистов? С одной стороны, сакральные ценности, связанные с государственной идеологией, даже для патристически настроенной паствы этого священника и его самого, безусловно, не обладают соразмерным с религиозными объектами и догматами статусом, а глава государства не равен Христу. С другой же, в силу специфики таких ценностей сама их защита оказывается в первую очередь функцией государства, которому, по мнению духовного лица и его паствы, возможно, не стоит указывать на необходимость их охранения. Священник, указав на “глупость” Шевчука, снизил степень сознательности совершенного им святотатства, и этот случай в определенном смысле переключается с вышеописанным кейсом с высказыванием Джона Леннона. О схожем восприятии действий британского музыканта католической церковью говорит опубликованная в апреле 2010 г. в ватиканской газете *L'Osservatore Romano* статья, посвященная 40-летию выхода “Белого альбома” *The Beatles*, в которой содержались комментарии по поводу заявления Леннона: “Ремарка... которая вызвала глубокое возмущение, в основном в Соединенных Штатах, спустя много лет звучит лишь как хвастовство молодого англичанина из рабочего класса, столкнувшегося с неожиданным успехом” (Itzkoff 2010). Таким образом, молодость и классовая принадлежность музыканта выступают маркерами снижения осознанности совершенного им святотатства, тем самым нивелирующими претензии религиозных специалистов.

Схожим образом в нарративах “обвинителей” из среды религиозных активистов и некоторых религиозных специалистов снижалась и агентность участниц группы *Pussy Riot*. К примеру, автор статьи на “Правмире” указывает, что редко в чем российское общество сходится так же, как “во мнении, что – дуры” (Орлова 2012). Примечательно, что сам текст при этом посвящен интерпретации акции панк-группы в терминах юродства. С несостоятельностью такой трактовки панк-молебна, организованного участницами *Pussy Riot* в двух московских храмах, весьма убедительно спорит в своей статье Александр Панченко (Панченко 2013: 217–227). Тем не менее маркирование участниц группы

в православной среде как “дур”, которое по-своему снижает степень осознанности совершивших богохульный акт и, соответственно, их агентность как святотатцев, выступает формой смягчения риторики обвинения, продуцируемой естественными акторами возмездия второго и третьего типа. Представляется возможным сделать осторожный вывод о том, что указание на глупость “обвиняемых”, выступающее смягчающим гнев “обвинителей” обстоятельством, может быть связано с укорененностью в христианской культуре образа юродивого, который в словаре Даля описан как “безумный, божевольный дурачок”. Видимая “глупость” юродивого в совокупности с его особым сакральным статусом, связанным с представлением о наличии скрытого и доступного не всем смысла в его святотатственных действиях, выступала основой приемлемости совершаемых им поступков или высказываний такого рода (см.: *Иванов 2005, Лихачев и др. 1984: 72–153*). Отголоском подобного лояльного отношения к выходкам “дурачков” можно считать, вероятно, и указание на глупость Шевчука, Леннона и участниц *Pussy Riot* в риторике естественных акторов наказания за святотатство.

Таким образом, алкогольное опьянение и глупость святотатцев выступают для “обвинителей” способом указать на неосознанность деятельности первых, что снижает их агентность. Достаточно ярким примером снижения агентности богохульников через признание неосознанности их действий можно считать представления о святотатстве моих информантов – уже упомянутых ранее последователей Православной Церкви Божией Матери Державная. Стремление тех исторических деятелей и современников, которых богородичники считают воплощением мирового зла, исказить “истинную” веру выступает в представлении последователей Иоанна Береславского формой святотатства (ПМА 2020–2022). После распада Советского Союза с его антирелигиозными кампаниями возникшие на постсоветском пространстве НРД должны были приспособиваться к обстоятельствам, в которых фигура богохульного врага не была столь четко определена, что в соответствии с холистической этикой этих движений подразумевало менее четкого антагониста, часто связанного с негативом внутри самого человека (*Hanegraaff 1996: 276–277*). В этой ситуации богородичники конструируют свое собственное понимание того, что такое святотатство.

В целом для богородичников существует две формы святотатства: “сознательное” и “бессознательное”. Первый тип подразумевает сознательное искажение кем-то учения Богородицы со злым умыслом, тогда как второй предполагает, что ничего не подозревающие последователи следуют за лжепророками и фарисеями, не осознавая свой путь как греховный (ПМА 2020–2022). В этом случае, активно осуждая сознательных святотатцев, богородичники с состраданием относятся к святотатцам неосознанным, указывая на сниженную агентность последних в искажении учения. При этом стоит отметить, что в представлениях последователей Православной Церкви Божией Матери Державная мы можем наблюдать полное отсутствие возможности осуществления посюстороннего наказания за святотатство, что приводит не только к ожиданию, но и усматриванию в реалиях современной жизни сверхъестественного наказания, вызванного “чашей греха”, тяготеющей над нераскаившейся частью человечества.

* * *

Несмотря на то, что выделение трех типов естественных акторов наказания за богохульство, кошунство и святотатство является весьма условным, как и любая классификация, оно позволяет увидеть конфигурации агентности, в

которых каждая из групп чувствует свое право воплотить такое возмездие в жизнь, а также выявить, какие инструменты им для этого доступны. Из анализа примеров призывов к такому посюстороннему возмездию, а также кейсов его реального, деятельного осуществления можно сделать вывод, что конфигурации агентности в осуществлении посюстороннего наказания за святотатство естественными акторами выглядят следующим образом: правоприменителям и законодателям, в руках которых сосредоточена легальная власть вершить возмездие, может понадобиться одобрение религиозных специалистов, чью агентность они признают, и опционально – поддержка активистов; религиозным специалистам необходимы государство и активисты как желательные и потенциальные инструменты осуществления наказания; а религиозные активисты выходят на сцену, когда акторы других двух типов бездействуют или же их деятельность оказывается, по мнению “обвинителей”, недостаточной. В случае же, если ни одна из описанных выше конфигураций не складывается, акторам обвинения в вопросах возмездия за богохульство, кощунство и святотатство остается уповать на акторы сверхъестественные.

Кроме того, сами обвинения, выдвигаемые перечисленными акторами, имеют разную природу. Можно выделить некоторые факторы, которые в глазах “обвинителей” оказываются своего рода “смягчающими обстоятельствами”. К таким факторам относятся алкогольное опьянение и глупость святотатцев, которые влекут за собой неосознанность. Все эти состояния, возникая в риторике обвинений, оказывают смягчающее действие на общий тон призывов к возмездию, а иногда и вовсе избавляют святотатца от ответственности. Приведенные в статье примеры показывают, что подобное снижение агентности “обвиняемых” через применение категорий, описанных выше, является достаточно распространенным в христианских культурах, однако в других не работает подобным образом.

В целом можно сказать, что герои этой статьи – естественные акторы возмездия за святотатство – на практике стремятся к реализации принципа, что Бог поругаем не бывает, пускай и не совсем в библейском его значении, деятельно охраняя границы сакрального от богохульства, кощунства и святотатства.

Примечания

¹ См.: Совершено нападение на Центр русской духовности. 16.02.2005. <https://www.sova-center.ru/religion/news/extremism/murders-violence/2005/02/d3607> (указанный материал либо информация, приводимая в нем, произведены и/или распространены иностранным агентом РОО Центр “Сова” либо касается деятельности иностранного агента РОО Центр “Сова”).

Источники и материалы

- Бородина 2021 – Бородина М. Православные активисты ударили блогера Vasyarnd из-за брошенного на пол распятия. Шутка или кощунство? // Medialeaks. 04.11.2021. <https://medialeaks.ru/0411lfc-str-vasyarnd>
- Воронов 2022 – Воронов К. “Единая вера” не спасла от суда: начат процесс над руководством религиозной общины Виссариона // Коммерсантъ. 01.09.2022. <https://www.kommersant.ru/doc/5537824>
- Ерохина 2022 – Ерохина А. Божья кара: осквернившего крест Киркова уличили в смертельной болезни // Дни.ру. 19.08.2022. <https://dni.ru/showbiz/2022/8/19/509318.html>

- Киркорову аукается 2022 – Филиппу Киркорову аукается скандальный номер с крестом // SakhaNews. 01.06.2022. <https://1sn.ru/filippu-kirkorovu-aukaetsya-skandalnyi-nomer-s-krestom-video>
- Курдюкова 2021 – Курдюкова О. Центр “Э” распутал дело о расколотом памятном кресте в Матвеевском саду // Известия. 78. 19.08.2021. https://78.ru/news/2021-08-19/centr_e_raspupal_delo_o_raskolotom_pamyatnom_kreste_v_matveevskom_sadu
- Лункин 2015 – Лункин Р.Н. Творческая эволюция богородичного православия: от Соловецких мучеников до Моцарта // Russian Review. 2015. Edition 64. <https://www.keston.org.uk/russianreview/64>
- Новосибирский священник 2021 – Новосибирский священник обвинил главу Минобороны Шойгу в оскорблении чувств верующих из-за коммунистических фресок // Курьер.Среда. 06.12.2021. <https://kurer-sreda.ru/2021/12/06/750776-novosibirskij-svyashhennik-obvinil-glavu-minoborony-shojgu-v-oskorblenii-chuvstv-veruyushhix-iz-za-kommunisticheskix-fresok>
- Орлова 2012 – Орлова В. Pussy Riot – юродивые сегодня? // Правмир. 12.03.2012. <https://www.pravmir.ru/pussy-riot-yurodivye-segodnya>
- В Крыму 2021 – В Крыму пьяный мужчина осквернил храм // Крымское информационное агентство. 02.11.2021. <https://kianews24.ru/news/v-krimu-pyany-muzhchina-oskvernil-khram>
- ПМА 2020–2022 – Полевые материалы автора. Собраны во время работы в общине Православной Церкви Божией Матери Державная, 2020–2022 гг.
- Краснодарский священнослужитель 2022 – Краснодарский священнослужитель обвинил артиста Филиппа Киркорова в святотатстве // МК на Кубани. 03.05.2022. <https://kuban.mk.ru/social/2022/05/03/krasnodarskiy-svyashhennosluzhitel-obvinil-artista-filippa-kirkorova-v-svyatotatstve.html>
- Сломали крест 2021 – В Матвеевском саду сломали крест на месте бывшей церкви. Полиция ищет хулиганов // Фонтанка.ру. 08.08.2021. <https://www.fontanka.ru/2021/08/08/70067471>
- Сплясал на кресте 2022 – Сплясал на кресте и невиновен: полиции указали на серьезный просчет в деле Киркорова // Царьград/Tsargrad. 20.08.2022. https://spb.tsargrad.tv/news/spljasal-na-kreste-i-nevinoven-policii-ukazali-na-serjoznyj-proschjot-v-dele-kirkorova_609099
- Ayatollah 1989 – 1989: Ayatollah Sentences Author to Death // BBC News. 14.02.1989. http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/february/14/newsid_2541000/2541149.stm
- Charlie Hebdo 2015 – As it Happened: Charlie Hebdo Attack // BBC News. 15.01.2015. <https://www.bbc.com/news/live/world-europe-30710777>
- Committee Publications 2003 – Select Committee on Religious Offences in England and Wales First Report, Appendix 3 // UK Parliament. 10.04.2003. <https://publications.parliament.uk/pa/ld200203/ldselect/ldrelof/95/9515.htm>
- Geller 2008 – Geller R.N. Goodbye to Blasphemy in Britain // Institute for Humanist Studies. 14.05.2008. <https://web.archive.org/web/20080607204857/http://humaniststudies.org/enews/?id=348&article=0>
- Indonesia Bar 2022 – Indonesia Bar Accused of Blasphemy over Free Drinks for People Named Muhammed, Maria // I24NEWS. 29.06.2022. <https://www.i24news.tv/en/news/international/asia-pacific/1656515177-indonesia-bar-charged-with-blasphemy-over-free-drinks-for-people-named-mohammed-maria>
- Itzkoff 2010 – Itzkoff D. Vatican Gets Around to Praising the Beatles // The New York Times. 12.04.2010. https://www.nytimes.com/2010/04/13/arts/music/13arts-VATICANGETSA_BRF.html

- Rushdie Fatwa 1990 – 1990: Iranian Leader Upholds Rushdie Fatwa // BBC News. 26.12.1990. http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/december/26/newsid_2542000/2542873.stm
- Springer Opera 2007 – Springer Opera Court Fight Fails // BBC News. 05.12.2007. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/entertainment/7128552.stm>
- Tuarob 2013 – Tuarob N. Russian Who Smashed Wat Karon Monk Statue in Phuket Blames His Behaviour on “Drink Spiking” // The Phuket News. 31.10.2013. <https://www.thephuketnews.com/russian-who-smashed-wat-karon-monk-statue-in-phuket-blames-his-behaviour-on-drink-spiking-42638.php>
- Willsher 2021 – Willsher K. Samuel Paty Murder: How A Teenager’s Lie Sparked a Tragic Chain of Events // The Guardian. 08.03.2021. <https://www.theguardian.com/world/2021/mar/08/samuel-paty-how-a-teenagers-lie-sparked-a-tragic-chain-of-events>

Научная литература

- Иванов С.А. Блаженные похабы: культурная история юродства. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Лецинский А.Н. Особенности богородичного движения в России (из опыта социально-философского анализа). М.: РОИР, 2005.
- Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984.
- Масагутова М.Р. “Как оно ни есть, а все равно беседа была”: онлайн-трансляции как новая религиозная практика общины чуриковцев // Этнография. 2021. № 4 (14). С. 138–157. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4\(14\)-138-157](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4(14)-138-157)
- Панченко А.А. О пользе святотатства, или Pussy Riot глазами антрополога // Отечественные записки. 2013. № 1. С. 217–227.
- Штырков С.А. Наказание святотатцев: фольклорный мотив и нарративная схема // Труды факультета этнологии. Вып. 1 / Отв. ред. А.К. Байбурин. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2001. С. 198–210.
- Юргенсмейер М. “Ужас Мой пошлою пред тобою”. Религиозное насилие в глобальном масштабе. М.: НЛЮ, 2022.
- Asad T. On Suicide Bombing. N.Y.: Columbia University Press, 2007.
- Butler J. The Sensibility of Critique: Response to Asad and Mahmood // Is Critique Secular?: Blasphemy, Injury, and Free Speech / Eds. T. Asad, W. Brown, J. Butler, S. Mahmood. Berkeley: University of California Press, 2009. P. 95–130. <https://doi.org/10.1515/9780823252381-005>
- Clay E. The Orthodox Church of the Sovereign Mother of God/The New Cathar Church // Revisionism and Diversification in New Religious Movements / Ed. E. Barker. L.: Routledge, 2013. P. 93–94.
- Cliteur P., Herrenberg T. The Fall and Rise of Blasphemy Law. Leiden: Leiden University Press, 2016.
- Emirbayer M., Mische A. What Is Agency? // American Journal of Sociology. 1998. Vol. 103 (4). P. 962–1023. <https://doi.org/10.1086/231294>
- Favret-Saada J. An Anthropology of Religious Polemics: The Case of Blasphemy Affairs // HAU: Journal of Ethnographic Theory. 2016. Vol. 6 (1). P. 29–45. <https://doi.org/10.14318/hau6.1.003>
- Goode E., Ben-Yehuda N. Moral Panics: The Social Construction of Deviance. Malden: Wiley-Blackwell, 2009.
- Hanegraaff W.J. New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought. Leiden: Brill, 1996.

- Hewson M. Agency // *Encyclopedia of Case Study Research* / Eds. A.J. Mills, G. Durepos, E. Wiebe. Thousand Oaks: Sage Publications, Inc., 2010. P. 13–17.
- Jones J. *Let Me Take You Down: Inside the Mind of Mark David Chapman, the Man Who Killed John Lennon*. N.Y.: Villard Books, 1992.
- Jones P. Blasphemy, Offensiveness and Law // *British Journal of Political Science*. 1980. Vol. 10 (2). P. 129–148. <https://doi.org/10.1017/S0007123400002064>
- Levy L.W. *Blasphemy: Verbal Offense against the Sacred, from Moses to Salman Rushdie*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995.
- Nash D. *Blasphemy in the Christian World: A History*. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Oustinova-Stjepanovic G. End of Organized Atheism: The Genealogy of the Law on Freedom of Conscience and Its Conceptual Effects in Russia // *History and Anthropology*. 2020. Vol. 31 (5). P. 600–617. <https://doi.org/10.1080/02757206.2019.1684271>
- Philo S. *British Invasion: The Crosscurrents of Musical Influence*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2015.
- Temperman J., Koltay A. *Blasphemy and Freedom of Expression: Comparative, Theoretical and Historical Reflections after the Charlie Hebdo Massacre*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- Turner S. *Beatles '66: The Revolutionary Year*. N.Y.: Ecco, 2016.
- Walter N. *Blasphemy Ancient and Modern*. London: Rationalist Press Association, 1990.
- Wiener J. *Come Together: John Lennon in His Time*. Champaign: University of Illinois Press, 1991.

Research Article

Drozdov, S.T. Non diis curae: The Rhetoric and Practices of Natural Punishment for Sacrilege [Non diis curae: ritorika i praktiki estestvennogo nakazaniia za sviatotatstvo]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023, no. 2, pp. 134–152. <https://doi.org/10.31857/S0869541523020070> EDN: RAPGDT ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Stepan Drozdov | <https://orcid.org/0000-0002-9505-9122> | sdrozdov@eu.spb.ru | European University at St. Petersburg (6/1a Gagarinskaya St., St. Petersburg, 191187, Russia)

Keywords

anthropology of religion, agency, sacrilege, blasphemy, punishment

Abstract

The article analyzes situations in which punishment for sacrilege is carried out by natural actors without the intervention of the supernatural ones. Such actors include the state represented by lawmakers and law enforcers, religious specialists, as well as religious activists and ordinary believers. The configurations of agency of the three types of actors described in the article, which have their own specifics and tools for natural (as opposed to supernatural) retaliation for sacrilege, cause violent or non-violent resolution of conflicts in which representatives of either type see blasphemy and sacrilege. The article also analyzes the boundaries of actor agency related, on the one hand, to perceptions of the right to the sanctuary and, consequently, to anger over its desecration, and, on the other hand, to the real possibility to carry out this punishment.

In the case of the latter, the notion of conditional agency of the “accused” by “prosecutors” is also discussed, and the ways and reasons for its reduction are considered.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants: Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 21-18-00508]

References

- Asad, T. 2007. *On Suicide Bombing*. New York: Columbia University Press, 2007.
- Butler, J. 2009. The Sensibility of Critique: Response to Asad and Mahmood. In *Is Critique Secular?: Blasphemy, Injury, and Free Speech*, edited by T. Asad, W. Brown, J. Butler, and S. Mahmood, 95–130. Berkeley: University of California Press. <https://doi.org/10.1515/9780823252381-005>
- Clay, E. 2013. The Orthodox Church of the Sovereign Mother of God/The New Cathar Church. In *Revisionism and Diversification in New Religious Movements*, edited by E. Barker, 93–94. London: Routledge.
- Cliteur, P., and T. Herrenberg. 2016. *The Fall and Rise of Blasphemy Law*. Leiden: Leiden University Press.
- Emirbayer, M., and A. Mische. 1998. What Is Agency? *American Journal of Sociology* 103 (4): 962–1023. <https://doi.org/10.1086/231294>
- Favret-Saada, J. 2016. An Anthropology of Religious Polemics: The Case of Blasphemy Affairs. *HAU: Journal of Ethnographic Theory* 6 (1): 29–45. <https://doi.org/10.14318/hau6.1.003>
- Goode, E., and N. Ben-Yehuda. 2009. *Moral Panics: The Social Construction of Deviance*. Malden: Wiley-Blackwell.
- Hanegraaff, W.J. 1996. *New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought*. Leiden: Brill.
- Hewson, M. 2010. Agency. In *Encyclopedia of Case Study Research*, edited by A.J. Mills, G. Durepos, and E. Wiebe, 13–17. Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc.
- Ivanov, S.A. 2005. *Blazhennye pokhaby: kul'turnaia istoriia yurodstva* [Blessed Obscenities: The Cultural History of Feeble-Mindedness]. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.
- Jones, J. 1992. *Let Me Take You Down: Inside the Mind of Mark David Chapman, the Man Who Killed John Lennon*. New York: Villard Books.
- Jones, P. 1980. Blasphemy, Offensiveness and Law. *British Journal of Political Science* 10 (2): 129–148. <https://doi.org/10.1017/S0007123400002064>
- Juergensmeyer, M. 2022. “Uzhas Moi poshliu pred toboiu”. *Religioznoe nasilie v global'nom masshtabe* [Terror in the Mind of God: The Global Rise of Religious Violence]. Moscow.: NLO.
- Leshchinskii, A.N. 2005. *Osobennosti bogorodichnogo dvizheniia v Rossii (iz opyta sotsial'no-filosofskogo analiza)* [Peculiarities of the God-Bearing Movement in Russia (From the Experience of Socio-Philosophical Analysis)]. Moscow.: ROIR.
- Levy, L.W. 1995. *Blasphemy: Verbal Offense against the Sacred, from Moses to Salman Rushdie*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Likhachev, D.S., A.M. Panchenko, and N.V. Ponyrko. 1984. *Smekh v Drevnei Rusi* [Laughter in Ancient Russia]. Leningrad: Nauka.
- Masagutova, M.R. 2021. “Kak ono ni est', a vse ravno beseda byla”: onlain-transliatsii kak novaia religioznaia praktika obshchiny churikovtsev [“Nevertheless, the Beseda Happened”: Online Broadcasts as a New Religious Practice of the Churikovtsy Community]. *Etnografiia* 4 (14): 138–157. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4\(14\)-138-157](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4(14)-138-157)

- Nash, D. 2007. *Blasphemy in the Christian World: A History*. Oxford: Oxford University Press.
- Oustinova-Stjepanovic, G. 2020. End of Organized Atheism: The Genealogy of the Law on Freedom of Conscience and Its Conceptual Effects in Russia. *History and Anthropology* 31 (5): 600–617. <https://doi.org/10.1080/02757206.2019.1684271>
- Panchenko, A.A. 2013. O pol'ze sviatostatstva, ili Pussy Riot glazami antropologa [On the Usefulness of Sacrilege, or Pussy Riot through the Eyes of an Anthropologist]. *Otechestvennye zapiski* 1: 217–227.
- Philo, S. 2015. *British Invasion: The Crosscurrents of Musical Influence*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Shtyrkov, S.A. 2001. Nakazanie sviatostatstsev: fol'klornyj motiv i narrativnaia skhema [Punishment of Sacrilege: A Folklore Motif and Narrative Scheme]. In *Trudy fakul'teta etnologii* [Proceedings of the Faculty of Ethnology], edited by A.K. Baiburin, 1: 198–210. St. Petersburg: Izdatel'stvo EUSPb.
- Temperman, J., and A. Koltay. 2017. *Blasphemy and Freedom of Expression: Comparative, Theoretical and Historical Reflections after the Charlie Hebdo Massacre*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Turner, S. 2016. *Beatles '66: The Revolutionary Year*. New York: Ecco.
- Walter, N. 1990. *Blasphemy Ancient and Modern*. London: Rationalist Press Association.
- Wiener, J. 1991. *Come Together: John Lennon in His Time*. Champaign: University of Illinois Press.